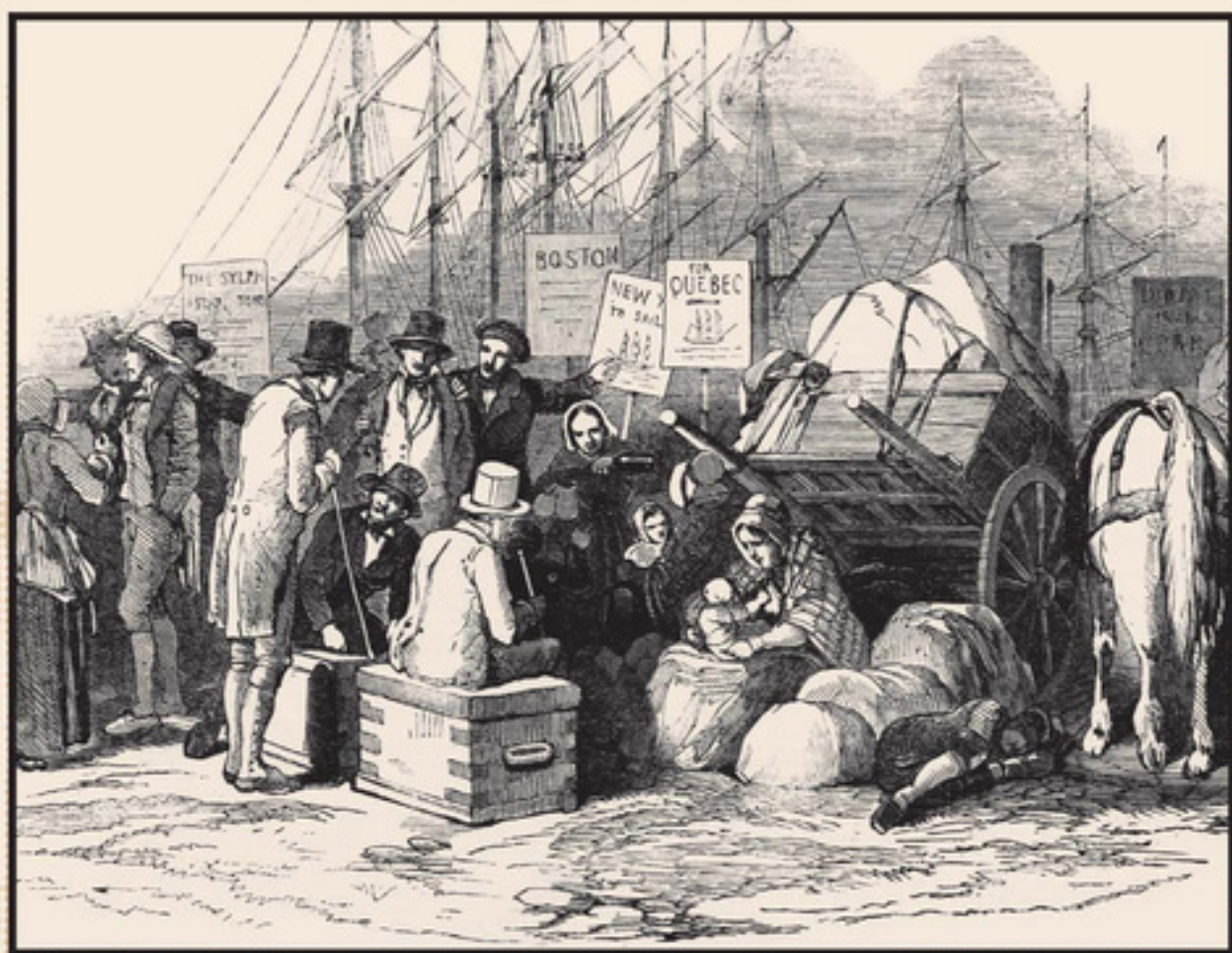

Йозеф Шумпетер

Десять великих ЭКОНОМИСТОВ от Маркса до Кейнса

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Йозеф Шумпетер

**Десять великих экономистов
от Маркса до Кейнса**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2011

Шумпетер Й. А.

Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса /
Й. А. Шумпетер — «Институт экономической политики имени
Е.Т. Гайдара», 2011

Настоящее издание представляет собой сборник работ выдающегося экономиста Йозефа Шумпетера (1883–1950), которые были отобраны для публикации самим автором, но увидели свет в виде книги только после его смерти. Каждый из вошедших в книгу биографически-теоретических очерков посвящен жизни и трудам классиков экономической науки, работавших во второй половине XIX — первой половине XX столетия, с большинством из которых Шумпетер был знаком лично. Книга представляет интерес не только для специалистов по истории экономической мысли, но и для широкого круга читателей.

© Шумпетер Й. А., 2011
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2011

Содержание

Введение	6
Глава 1 Карл Маркс (1818–1883)[3]	10
Марксистская доктрина	10
I. Маркс – пророк	12
II. Маркс – социолог	15
III. Маркс – экономист	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Йозеф Шумпетер
Десять великих экономистов
от Маркса до Кейнса

Joseph A. Schumpeter
Ten Great Economists
From Marx to Keynes
New York Oxford University Press 1951

Введение

Эти эссе были написаны в течение сорока лет, с 1910 по 1950 год, три самых ранних – о Вальрасе, Бём-Баверке и Менгере – на немецком, а остальные – на английском языке. Не считая эссе о Марксе, они были написаны для разных экономических журналов либо по поводу смерти их героев, либо в честь знаменательной даты, как в случае пятидесятилетия «Принципов» Маршалла или столетия со дня рождения Парето. Из-за того, что они писались в спешке и по особым поводам, Шумпетер не считал эти эссе достойными издания в виде отдельной книги. Но его постоянно о них спрашивали, поскольку журналы, в которых они были когда-то напечатаны, трудно было достать, и за несколько месяцев до своей смерти в январе 1950 года он наконец согласился, чтобы издательство *Oxford University Press* выпустило их отдельным сборником.

Десять основных эссе для книги Шумпетер выбрал сам, с одним лишь исключением – эссе о Карле Марксе. Он планировал вместо него включить в книгу статью «Манифест коммунистической партии в социологии и экономической науке», написанную им для *Journal of Political Economy* за июнь 1949 года, чтобы несколько запоздало отметить столетие со дня выхода «Манифеста коммунистической партии». Вместо этой статьи в сборник вошла первая часть книги «Капитализм, социализм и демократия», потому что в ней подробней рассказывалось о Марксе как о пророке, социологе, экономисте и учителе. Я в большом долгу перед Кэссом Кэнфилдом и издательством *Hampem & Brothers* за их великодушное разрешение включить это эссе в книгу «Десять великих экономистов». Кроме того, я хочу воспользоваться возможностью поблагодарить редакторов и издателей журналов *Quarterly Journal of Economics*, *American Economic Review*, *Economic Journal* и *Econometrica* за разрешение использовать в книге статьи, изначально опубликованные в этих журналах; журнала *Zeitschrift für Volkswirtschaft* больше не существует.

Три коротких эссе, приведенные в приложении (о Кнаппе, Визере и Борткевиче), были включены в книгу по предложению профессора Готтфрида Хаберлера, который считал, что они должны быть переизданы и что лучше всего будет включить их в сборник вместе с другими биографическими эссе Шумпетера. Все три эссе из приложения были написаны для журнала *Economic Journal*, в котором Шумпетер был австрийским корреспондентом с 1920 по 1926 год и немецким с 1927 по 1932 год, пока не уехал из Боннского университета в Гарвард.

Автора и героев его эссе связывали тесные отношения. Он не только восхищался их работой, но и был, с одним лишь исключением, знаком с каждым из них¹, а с некоторыми его связывала теплая дружба. Исключением является опять же Карл Маркс, умерший в 1883 году, в котором родились Шумпетер и Кейнс, самый молодой из десяти экономистов в этой книге. С Марксом Шумпетера связывало только одно – общее понимание экономического процесса. В своей «Теории экономического развития» Шумпетер пытается изложить «чисто экономическую теорию экономического развития, которая не полагается на то, чтобы внешние факторы передвигали экономическую систему из одного состояния равновесия в другое». В предисловии к изданию этой книги на японском языке он пишет: «Мне было вначале неясно то, что читателю, возможно, сразу будет очевидно, а именно то, что эта идея и эта цель [самого Шумпетера] в точности совпадают с идеей и целью, лежавшими в основе экономического учения Карла Маркса. В сущности, от предшественников и экономистов его времени его отличало именно виденье экономической эволюции как отдельного процесса, генерируемого самой экономической системой. Во всех остальных отношениях он лишь использовал и адаптировал

---

¹ Это касается только героев десяти основных эссе. Из трех героев приложения он хорошо знал Визера и, вероятно, был знаком и с Кнаппом, и с Борткевичем.

понятия и предположения Рикардовой экономической теории, но понятие экономической эволюции, которое он поместил в несущественное гегельянское окружение, принадлежит только ему. Возможно, именно благодаря этому факту одно поколение экономистов за другим возвращается к его системе, хотя многое в ней они и находят достойным критики». В «Истории экономического анализа» мы снова читаем: «В его общей научной схеме развитие не было тем, чем оно являлось у других экономистов того периода, т. е. приложением к экономической статике, – оно служило центральной темой. И он сосредоточил свою аналитическую мощь на задаче, заключающейся в том, чтобы показать, как экономический процесс, изменяющийся в силу собственной внутренней логики, непрерывно изменяет социальную структуру и общество в целом». У них было общее видение, но привело оно их к очень разным результатам: Маркса оно привело к осуждению капитализма, а Шумпетера сделало его рьяным защитником.

Для Шумпетера прогресс экономической теории как науки зависел от виденья и методов. Так же как он восхищался Марксовым виденьем экономического процесса, он восхищался Вальрасовой чистой теорией. В «Истории экономического анализа» он пишет о Вальрасе, с которым встречался лишь раз: «...экономическая наука подобна большому omnibusу, наполненному множеством пассажиров с несоизмеримыми интересами и способностями. Однако в том, что касается чистой теории, по моему мнению, величайшим из всех экономистов является Вальрас. Его теория экономического равновесия объединяет в себе „революционную“ креативность и классический синтез, это единственная работа из написанных экономистами, которая заслуживает сопоставления с достижениями теоретической физики».

Маркс и Вальрас находились на разных полюсах науки: один пытался логическим путем объяснить изменения экономической системы, а второй дал нам «теоретический аппарат, который впервые в истории нашей науки эффективно охватывал чистую логику взаимозависимости экономических величин».

Для Шумпетера было очень характерно² то, что он восхищался историей и чистой теорией, эконометрикой и компиляциями фактических материалов, социологией и статистикой, и все эти области науки находил полезными; широта его интересов отражена в десяти эссе, вошедших в эту книгу.

Он познакомился с Менгером, Бём-Баверком и Визером в студенческие годы в Венском университете. Менгер, который вместе со своими двумя учениками, Бём-Баверком и Визером, может считаться основателем австрийской, или венской, школы экономической мысли, уже не занимался преподаванием, и Шумпетер встречался с ним лишь раз или два. Но автор этих эссе был активным участником семинаров Визера и Бём-Баверка с 1904 по 1906 год; впоследствии он вступил в знаменитый спор с Бём-Баверком о норме процента (см.: *Schumpeter J. A. Eine «dynamische» Theorie des Kapitalzinses: Eine Entgegnung // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. 1913. Bd. 22. S. 599–639*); он произносил одну из трех поздравительных речей на праздновании семидесятилетия Визера в 1921 году.

Хотя Шумпетер высоко ценил работу австрийской школы, в традиции которой получил образование, еще больше его интересовала другая школа, развившая теорию предельной полезности, – лозаннская школа, объединившаяся вокруг трудов Вальраса. В некотором смысле настоящим основателем этой школы был Парето, блестящий ученик Вальраса, сменивший его на посту заведующего кафедрой политической экономии в Лозаннском университете. До недавнего времени американские и английские экономисты считали труды этой школы слишком «математическими» и слишком «теоретическими», кроме того, они считали трудоемким и, возможно, нестоящим занятием чтение экономистов, писавших на иностранных языках.

² Хаберлер однажды написал в журнале *Quarterly Journal of Economics* (август 1950), что были ученые, превосходившие Шумпетера в отдельных областях науки. «Но как знаток всех ветвей экономической науки и ученый-универсалист Шумпетер занимал уникальное положение среди своих современников».

Однако лозаннская школа довольно рано приобрела двух первоклассных поклонников-американцев в лице Ирвинга Фишера и Генри Л. Мура. Три из десяти эссе в этой книге посвящены Вальрасу, Парето и Фишеру. В эссе о Парето (см. прим. * на с. 178) Шумпетер описывает встречу, во время которой они обсуждали разных экономистов, и Парето с жаром хвалил Ирвинга Фишера: «Для меня было полной неожиданностью услышать его [Парето] горячую похвалу „Капиталу и доходу“ [Фишера]».

Защитив диплом в Вене в 1906 году, Шумпетер на несколько месяцев отправился в Англию. Там он отдал дань уважения некоторым английским экономистам и в 1907 году познакомился с Маршаллом. Это знакомство кратко описано в рецензии к Кейнсовой книге «*Essays in Biography*», которую Шумпетер написал для журнала *Economic Journal* за декабрь 1933 года. Комментируя эссе Кейнса о Маршалле, он написал: «Глядя на Маршалла через стол, за которым мы завтракали у него дома в 1907 году, я сказал ему: „Профессор, после нашего разговора о моих научных планах я чувствую себя точно так, как если бы я был неосмотрительным влюбленным, намеренным вступить в безрассудный брак, а вы – благожелательным старым дядюшкой, который пытается убедить меня отказаться от этой идеи». Он ответил: «И это совершенно верно. Потому что даже если дядюшка и прав, его увещевания останутся втуне». Эссе самого Шумпетера о Маршалле показывает, как высоко он ценил работы Маршалла. После выхода эссе в журнале *American Economic Review* он получил записку от Мэри Маршалл (из Кембриджа, 19 июля 1941), в которой говорилось: «Только что принесли *American Economic Review*, и я с большим интересом прочла Ваше эссе по случаю пятидесятилетия „Принципов“ Маршалла. Я всегда знала, что Вы высоко ценили его работу, и я так рада, что Вы воспользовались этой возможностью, чтобы столь тепло и искусно выразить это отношение. Меня особенно восхищает последний параграф эссе. Я также присоединяюсь к Вашему восхищению „Воспоминаниями об Альфреде Маршалле“ Кейнса».

С американскими экономистами – Тауссигом, Фишером и Митчеллом – Шумпетер, вероятно, познакомился, когда прибыл в Соединенные Штаты в 1913–1914 учебном году в качестве австрийского профессора по обмену в Колумбийском университете. До этого он был знаком с их трудами и переписывался как минимум с Тауссигом. Сохранилось письмо, написанное ему Тауссигом из Кембриджа, что в штате Массачусетс (27 ноября 1912), в котором Тауссиг хвалит английский молодого экономиста и обсуждает поднятую им теоретическую проблему. «Я не спорю с Вашими рассуждениями; но сам я расположен подходить к этим вопросам с более реалистичной точки зрения». Далее следует несколько графиков кривой предложения, а затем Тауссиг пишет: «Применение к труду того же хода рассуждений, который применяется к капиталу и земле, а также развитие теории „трудовой ренты“ меня сильно занимают; я набросал план статьи на эту тему. Вы, конечно, знаете, как пробовали рассуждать на эту тему мой друг, Дж. Б. Кларк, а также, не так давно и более аккуратно, Ирвинг Фишер. Последнее слово об этом вопросе еще не было сказано. Я не настолько нескромен, чтобы думать, что это последнее слово будет сказано мной, но я надеюсь внести свой вклад в развитие этой темы». Таким образом начавшаяся дружба продолжалась до самой смерти Тауссига в 1940 году. В сущности, свои первые годы в Гарвардском университете, с 1932-го по 1937-й, Шумпетер прожил дома у Тауссига на Скотт-стрит, 2.

Шумпетер так же восхищался Ирвингом Фишером и Уэсли Митчеллом, и тоже тепло к ним относился. С Фишером его связывало основание Эконометрического общества. Немало добродушных шуток прозвучало, когда Шумпетер посетил несколько аскетичное заседание этого общества в Нью-Хейвене, во время которого табак, алкоголь, кофе и, насколько я помню, мясо были запрещены, так что кофе заваривался специально для «порочного» посетителя. Общение, происходившее во время таким образом проведенных в Нью-Хейвене выходных, описано профессором Жоржем-Анри Буске из Алжирского университета в статье для журнала *Revue d'Economie Politique* (1950. No.3). Некролог Уэсли Митчелла, вошедший в эту книгу, был

закончен всего за неделю или две до смерти самого Шумпетера. И Митчелл, и Шумпетер работали над теорией экономических циклов и считали, что успешное исследование этого явления капиталистического процесса требует обширнейшего анализа фактов. Шумпетер сам кропотливо отбирал данные для своего исследования, почти не прибегая к чужой помощи, потому что таков был его метод работы, но он питал громадное уважение к человеку, который сумел организовать целое Национальное бюро экономических исследований и умно и эффективно использовать его ресурсы.

С Кейнсом он познакомился только в 1927 году, хотя Кейнс к этому времени уже давно был одним из редакторов *Economic Journal*, а Шумпетер с 1920 года был его австрийским корреспондентом. По какой-то причине, объяснить которую не так просто, отношения между ними не были близкими ни в личном, ни в профессиональном плане.

Перевод эссе о Вальрасе, Менгере и Бём-Баверке оказался довольно сложным делом. Как писал Пол Суизи в предисловии к «Империализму и социальным классам», а также Хаберлер в своем эссе в *Quarterly Journal of Economics*, тексты Шумпетера, написанные на немецком языке, крайне тяжело поддаются переводу. Хаберлер написал: «Его достаточно сложный литературный стиль, который, пожалуй, лучше всего описывает слово „барочный“, адекватно выражает сложное устройство его ума. Для него характерны длинные предложения, многочисленные уточнения, уточнения уточнений, использование казуистических значений слов. Эти особенности его стиля особенно ярко выражены, как и стоило ожидать, в его текстах на немецком, поскольку немецкий язык предоставляет автору больше возможностей для использования сложных конструкций». Шумпетер знал об этом обстоятельстве, особенно в случае эссе о Бём-Баверке. Он считал, что это эссе слишком длинное и что его нужно сократить в два раза и переписать для англоязычного читателя. Он настаивал, что без этого «невозможно» обойтись.

Эссе о Бём-Баверке было урезано примерно наполовину. Этим занимался Хаберлер и переводчик, профессор Герберт Цассенхаус, бывший ученик Шумпетера. Хочу выразить свою благодарность профессору Хаберлеру и всем трем переводчикам – Вольфгангу Штольперу, Хансу Зингеру и Герберту Цассенхаусу – за их интерес и помощь, а также Полу Суизи, который вычитывал вместе со мной все переводы и помогал сглаживать шероховатости языка и прояснять непонятные места. В некоторых местах переводов я весьма вольно обошлась с текстом – когда дословный перевод оказывался слишком сложным или непонятным. Особенно много таких мест было в эссе о Бём-Баверке. Поэтому любые недочеты в переводах – моя вина, и ответственность за них несу только я.

Остальные эссе, все написанные по-английски, приведены в этой книге в своем оригинальном виде. Они не менялись и не редактировались, не считая исправления мелких опечаток и небольших изменений, внесенных ради единообразия в таких технических деталях, как использование заглавных букв и пунктуационных знаков, а также оформление сносок.

*Таконик, штат Коннектикут,
2 февраля 1951 г.
Элизабет Шумпетер*

Глава 1 Карл Маркс (1818–1883)³

Марксистская доктрина

Порождения интеллекта или фантазии в большинстве случаев завершают свое существование в течение периода, который колеблется от часа послеобеденного отдыха до жизни целого поколения. Но с некоторыми этого не происходит. Они переживают упадок и вновь возвращаются, возвращаются не как неузнанные элементы культурного наследия, но в собственном индивидуальном облике, со своими особыми приметами, которые люди могут видеть и трогать. Их с полным основанием можно называть великими, никакого изъяна в этом определении, связывающем величие с жизнеспособностью, я не вижу. В этом смысле это определение, несомненно, применимо к учению Маркса. Есть еще одно преимущество в определении величия способностью к возрождению: тем самым оно перестает зависеть от нашей любви или ненависти. Нам совсем не нужно верить, что великие открытия непременно должны быть источником света или не содержать ошибок в своих основах или деталях. Напротив, мы можем считать их воплощением тьмы; мы можем признавать их в корне неверными или не соглашаться с отдельными частностями. Что до Марксовой системы, то подобные отрицательные оценки и даже полное ее опровержение самой неспособностью нанести этой системе смертельный удар только свидетельствуют о ее силе.

В последние десятилетия мы стали свидетелями самого интересного возрождения Марксовой теории. В том, что великий вдохновитель социалистической идеи должен был обрести себя в Советской России, нет ничего удивительного. И чрезвычайно характерно, что в процессе происходящей здесь канонизации между истинным значением Марксовой теории, с одной стороны, и большевистской практикой и идеологией – с другой, образуется пропасть такого же масштаба, как между религией жалких галилеян и идеологией и практикой князей в церкви или средневековых военачальников.

Другое явление – возрождение марксизма в США – объяснить труднее. Этот феномен интересен тем, что вплоть до 20-х годов ни в американском рабочем движении, ни среди американских интеллектуалов не было сколько-нибудь серьезного марксистского движения. То, что здесь называлось марксизмом, всегда было искусственным, незначительным, не имело корней. Кроме того, большевистский тип возрождения марксизма вызвал отнюдь не одинаковые сдвиги в странах, прежде наиболее сильно приверженных марксизму. Примечательно, что в Германии, которая из всех стран имела самую сильную марксистскую традицию, в течение послевоенного социалистического бума, как и в предшествующий период депрессии, продолжала существовать маленькая секта ортодоксов. Однако лидеры социалистической мысли (не только приверженцы социал-демократической партии, но и те, кто в практических вопросах пошел гораздо дальше ее осторожного консерватизма) не обнаружили особого стремления к возврату к старым догмам и, проявляя уважение к своему божеству, сделали все, чтобы дистанцироваться от него, а экономические проблемы решали теми же способами, что и прочие экономисты. Следовательно, если не считать России, американский феномен остается уникальным. Мы не собираемся выяснять его причины. Стоит сделать другое – рассмотреть общие черты и суть того учения, которое стало близким столь многим американцам⁴.

---

³ Впервые опубликовано: *Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York: Harper Brothers Publishers, 1942. Русский перевод печатается по изданию: *Шумпетер И. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика, 1995. С. 34–102.

⁴ Ссылки на работы Маркса будут сведены к минимуму, никакие данные о его жизни также не даются. Видимо, в этом нет нужды, поскольку любой читатель, желающий ознакомиться со списком этих работ или с его жизнеописанием, найдет все

необходимое в любом словаре, особенно в «Британской энциклопедии» или в «Энциклопедии социальных наук». Изучение Маркса лучше всего начинать с первого тома «Капитала». Несмотря на огромное число работ, появившихся в последнее время, я по-прежнему считаю биографию, написанную Ф.Мерингом, лучшей, во всяком случае с точки зрения обычного читателя.

I. Маркс – пророк

Аналогия из области религии попала в название этой главы не случайно. На самом деле это больше чем аналогия. В определенном смысле марксизм и есть религия. Для верующего он предоставляет, во-первых, систему конечных целей, определяющих смысл жизни, и абсолютных критериев для оценки событий и действий; и, во-вторых, руководство к осуществлению целей, содержащее не только путь к спасению, но и определение того зла, от которого человечество или избранная часть человечества должна быть спасена. Можно добавить и следующее: марксистский социализм принадлежит к той разновидности религий, которая обещает рай уже при жизни. Я думаю, что если бы за определение марксизма взялся богослов, это позволило бы дать гораздо более глубокую характеристику социальной сущности марксизма, чем та, которую может сделать экономист.

То, что это обстоятельство объясняет успех марксизма, пожалуй, наименее важно⁵. Чисто научные достижения, будь они даже намного более совершенными, чем у Маркса, никогда бы не обрели подобного исторического бессмертия. Этому не способствовал и весь арсенал его партийных лозунгов. Частично его успех, хотя и в очень небольшой степени, действительно обязан тому набору жарких фраз, страстных обвинений, гневных жестов, который он представил в распоряжение своей паствы и которые могут быть использованы с любой трибуны. Все, что следует сказать по данному поводу, заключается в том, что указанное боевое снаряжение очень хорошо служило и служит своим целям, однако его производство породило и свои убытки: чтобы выковать подобное оружие социальной борьбы, Марксу временами приходилось приспособливаться или даже отступать от тех концепций, которые логически вытекали из его теоретической системы. Однако если бы Маркс был простым поставщиком фразеологии, он был бы сегодня мертв. Человечество не благодарит за этот сорт услуг и быстро забывает имена людей, которые пишут либретто для политических опер.

Он был пророком, и для того, чтобы понять природу его системы, мы должны рассмотреть ее в контексте времени ее создания. Это была высшая точка самореализации буржуазии и низшая точка буржуазной цивилизации, время механистического материализма, время культурной среды, предававшей самому пошлому разгулу, в то время как в ее недрах таились зародыши нового искусства и нового образа жизни. Вера в любом реальном значении этого слова быстро улетучивалась из сознания всех классов общества, а вместе с ней умирал и единственный луч света, освещавший жизнь рабочих (если не считать Рочдэйльского кооперативного движения и возникновения сберегательных банков), в то время как интеллектуалы заявили, что их вполне устраивает «Логика» Милля и Закон о бедных.

Итак, для миллионов человеческих сердец учение Маркса о земном социалистическом рае означало новый луч света и новый смысл жизни. Называйте марксизм, если угодно, подделкой под религию или карикатурой на нее, на этот счет многое можно сказать, но нельзя не восхититься его величием. Неважно, что почти все эти миллионы были не в состоянии понять и оценить учение в его истинном значении. Такова судьба всех учений. Важно то, что учение было создано и изложено в соответствии с позитивистским мышлением своего времени – несомненно, буржуазным по своей сути, и потому не будет парадоксом, если мы скажем, что по существу марксизм – продукт буржуазного образа мышления. Он, с одной стороны, с непревзойденной силой выразил страстные чувства всех тех, кому не повезло и плохо жилось, что

---

⁵ Религиозные свойства марксизма объясняют и характер отношений ортодоксального марксиста к своим оппонентам. Для него, как и для всякого сторонника определенной веры, оппонент не просто ошибается, он греховен. Инакомыслие осуждается не только с интеллектуальных позиций, но и с позиций морали. Раз провозглашено учение, никакого оправдания для инакомыслия быть не может.

было целительным для многих неудачников, а с другой стороны, провозгласил, что избавление от этих болезней с помощью социализма вполне поддается рациональному обоснованию.

Заметьте, с каким чрезвычайным искусством здесь удалось соединить иррациональные чаяния страждущих, которые, лишившись религии, бродили во тьме, подобно бездомным собакам, с неизбежными для того времени рационалистическими и материалистическими тенденциями, сторонники которых не признали бы ни одного утверждения, не подкрепленного научным или псевдонаучным доказательством. Проповедь одной лишь цели не дала бы эффекта, анализ социального процесса был бы интересен всего лишь для нескольких сотен специалистов. Но проповедь в одежде научного анализа и анализ в интересах достижения выстраданных целей – вот что обеспечило страстную приверженность марксизму, вооружило марксиста высшим преимуществом – убежденностью, что он и его доктрина никогда не потерпят поражения и в конце концов обязательно победят. Конечно, этим смысл учения не исчерпывается. Личное влияние и пророческие прозрения действуют независимо от содержания учения. Без этого невозможно призвать ни к новому образу жизни, ни к новому ее смыслу. Но не это нас здесь интересует.

Несколько слов следует сказать о другом – об убедительности и корректности попыток Маркса доказать неизбежность достижения социалистической цели. Одно замечание, однако, следует сделать по поводу того, что выше мы определили как отражение чаяний многих неудачников. Конечно, это не было подлинным отражением их истинных стремлений, сознательных или подсознательных. Скорее, мы могли бы назвать это попыткой подменить истинные чувства правильным или неправильным изложением логики социальной эволюции. Осуществляя это и приписывая, вопреки истине, народным массам собственное «классовое сознание», Маркс, несомненно, фальсифицировал подлинную психологию рабочего (который стремится стать мелким буржуа, опираясь на помощь политической силы); но по мере того как его учение приобретало влияние, он расширял и облагораживал его. Он не проливал сентиментальных слез по поводу красоты социалистической идеи. В этом, как он считал, заключалось его превосходство над тем, что именовалось им утопическим социализмом. Не занимался он и прославлением героизма трудящихся, как это делают буржуа, когда дрожат за свои дивиденды. Он был абсолютно свободен от склонности пресмыкаться перед рабочим классом, свойственной некоторым его более слабым последователям. По-видимому, он достаточно ясно осознавал, что такое народные массы, и глядел гораздо выше их голов в направлении достижения социальных целей, даже если это было не то, о чем они думали и мечтали. Кроме того, он никогда не проповедовал собственных идеалов. Подобное тщеславие было ему чуждо. Как всякий истинный пророк изображает себя простым глашатаем своего бога, так Маркс претендовал всего лишь на то, чтобы рассказать о логике диалектического процесса исторического развития. Во всем этом есть некое благородство, перекрывающее в ряде случаев мелочность и вульгарность, с которыми на протяжении его жизни и деятельности это благородство вступало в столь странный союз.

Наконец, еще один момент, о котором нельзя не упомянуть. Сам Маркс был слишком образованным человеком, чтобы солидаризироваться с теми вульгарными социалистами, которые не способны узнать храма, даже когда он высится перед ними. Он отчетливо понимал значение цивилизации и «относительно абсолютную» ценность ее ценностей, как бы чужда она ни была для него самого. В этом отношении нет лучшего доказательства широты его мышления, чем «Коммунистический манифест», который представляет собой, хотя и краткий, отчет о блестящих⁶ достижениях капитализма. Даже вынося капитализму *pro futuro* смертный приговор

---

⁶ Возможно, это преувеличение. Но давайте процитируем: «Буржуазия впервые показала, чего может достичь человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы... Буржуазия... вовлекает в цивилизацию все нации... Она создала огромные города... и вырвала таким образом значительную часть населения из идиотизма (sic!) деревенской жизни... Буржуазия менее чем за сто лет своего клас-

вор, Маркс не упускает случая признать его историческую необходимость. Подобное отношение, конечно, подразумевает многое такое, чего лично Маркс не желал бы признавать. Однако, без сомнения, это его убеждение было чрезвычайно крепким, тем более что оно соответствовало тому пониманию естественной логики вещей, частным проявлением которой была его теория исторического процесса. Социальные явления выстраивались для Маркса в определенный порядок, и хотя в некоторых аспектах своей жизни он вел себя как «ресторанный заговорщик», его истинное «я» презирало такого рода вещи. Социализм не был для него навязчивой идеей, стирающей все краски жизни и порождающей нездоровую и тупую ненависть или презрение к иным цивилизациям. Во многих смыслах присущие Марксу типы социалистического мышления и социалистического выбора, соединенные вместе в его фундаментальной позиции, действительно заслужили название научного социализма.

сового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.4. С. 427–428). Заметьте, что все отмеченные достижения приписываются только буржуазии – это больше того, на что могли бы претендовать многие самые буржуазные экономисты. В этом суть того, что я имел в виду в вышеприведенном абзаце, и именно здесь я резко расхожусь с сегодняшними вульгарными марксистами или с вебленовскими идеями, взятыми на вооружение нынешними немарксистскими радикалами. Сразу же скажу: именно это будет исходным пунктом всего того, о чем я буду говорить во второй части относительно экономических достижений капитализма.

II. Маркс – социолог

Теперь нам надо сделать то, против чего стали бы протестовать все правоверные марксисты. Ведь они отвергают любое применение трезвого анализа к тому, что для них является светочем истины. Особенно сильно они стали бы протестовать против дробления наследия Маркса на отдельные части и последовательного их обсуждения. Они стали бы говорить, что самый этот акт обнаруживает неспособность буржуазии понять величие целого, все части которого дополняют и объясняют друг друга, так что истинное значение этого целого исчезает, как только одна его часть или аспект рассматривается обособленно. Однако у нас нет выбора. Совершив преступление и рассматривая Маркса как социолога, после того как мы рассмотрели его как пророка, я вовсе не отрицаю ни наличия в работе Маркса цельности социального видения, которое обеспечило в известной мере аналитическую цельность и в еще большей степени видимость такой цельности, ни того факта, что каждая ее часть, хотя и внутренне независимая, была увязана автором со всеми другими. Тем не менее каждая часть этого обширного целого сохранила достаточно самостоятельности, что позволяет исследователю признать плодотворной одну из них, отвергая другие. Много от величия веры теряется при подобной процедуре, но кое-что удается и выиграть, спасая важное и стимулируя поиски истины, что само по себе принесло бы больше пользы, чем в том случае, если бы она погибла вместе с крушением целого.

Это относится прежде всего к Марксовой философии, которую мы можем отринуть раз и навсегда. Получив образование в Германии и тяготея к теоретическим размышлениям, он имел основательные знания в области философии и питал к ней страстный интерес. Чистая философия германского типа была его началом, его юношеской любовью. В течение некоторого времени он даже полагал, что это его истинное призвание. Он был неогегельянцем, что означает примерно следующее: признавая фундаментальные положения и методы своего учителя, он и его группа устраняли и заменяли на противоположные те консервативные элементы, которые были внесены в гегелевскую философию многими из других его приверженцев. Этот философский фундамент обнаруживается во всех его произведениях, где только появляется такая возможность. Не удивительно, что его немецкие и русские читатели – по аналогичной склонности и в силу схожего образования – ухватились прежде всего за эти аспекты его учения, сделав их ключевыми для всей системы.

Я же полагаю, что это было ошибочным и несправедливым по отношению к научным возможностям Маркса. Он сохранял свою раннюю любовь на протяжении всей своей жизни. Ему доставляли удовольствие те формальные аналогии, которые можно было обнаружить между его аргументацией и гегельянской. Ему нравилось подтверждать свое гегельянство и использовать гегельянскую фразеологию. Но это в общем-то и все. Нигде не изменял он позитивной науке ради метафизики. Именно об этом он говорит сам в предисловии ко второму изданию первого тома «Капитала»; то, что он там говорит, действительно верно, а его самообман не подтверждается анализом его аргументации, которая всюду опирается на факты социальной действительности и на исходные предпосылки, ни одна из которых не является собственно философской. Конечно, те комментаторы или критики, которые сами шли от философии, не могли поступать так же, поскольку мало что смыслили в общественных науках. К тому же склонность Маркса к построению философских систем отвращала их от любой интерпретации, кроме той, что выводит все его учение из философских принципов. В итоге они усматривали философию в самых обычных утверждениях Маркса, касающихся экономической действительности, направляя тем самым дискуссию по ложному следу и сбивая с толку одновременно и друзей, и врагов.

Инструментарий Маркса как социолога заключался в первую очередь в овладении обширным историческим и современным фактическим материалом. Знание последнего было у него всегда немного устаревшим, поскольку он был самым книжным из людей, и потому

материалы фундаментальных исследований, в отличие от газетных, долго ждали своей очереди и всегда доходили до него с опозданием. Однако едва ли существовало хоть сколько-нибудь значительное по своему содержанию и посвященное общим вопросам историческое исследование его времени, которое бы ускользнуло от его внимания, хотя эта участь постигла значительную часть монографической литературы по отдельным проблемам. И хотя мы не можем превозносить полноту его информации в области истории в той же степени, в какой это касается его эрудиции в сфере экономической теории, тем не менее он мог иллюстрировать свою социальную концепцию не только масштабными историческими фресками, но и многими деталями, достоверность которых была скорее выше, чем ниже, среднего уровня социологических исследований его времени. Взгляд Маркса, разом охватывая эти факты, проникал через случайную нерегулярность поверхностных явлений и устремлялся вглубь – к грандиозной логике исторического процесса. Здесь страстность сочеталась с аналитическим порывом. Итог его попытки сформулировать эту логику, так называемая экономическая интерпретация истории⁷, несомненно, является одним из величайших открытий современной социологии, совершенных каким-либо исследователем. В свете этого не имеет значения, является ли это открытие полностью оригинальным и в какой мере следует отдать должное предшественникам – немцам и французам.

Экономическая интерпретация истории *не означает*, что люди сознательно или бессознательно, полностью или в первую очередь руководствуются экономическими мотивами. Напротив, объяснение роли и механизма неэкономических мотивов и анализ того, как социальная реальность отражается в индивидуальной психике, являются существенным элементом теории и одним из самых важных ее достижений. Маркс не считал, что религия, философия, разные направления искусства, этические идеи и политические устремления могут быть сведены к экономическим *мотивам* и не имеют самостоятельного значения. Он лишь стремился вскрыть экономические *условия*, которые формируют их и которые обуславливают их взлет и падение. Вся система фактов и аргументов Макса Вебера⁸ отлично вписывается в систему Маркса. Конечно, больше всего его интересовали социальные группы и классы и способ, каким эти группы или классы объясняют себе свое существование, место в обществе и поведение. Он изливал свой самый яростный гнев на тех историков, которые брали эти представления и их словесное выражение (т. е. идеологию, или, как сказал бы Парето, *деривацию*) в буквальном значении и пытались с их помощью объяснить социальную реальность. Но хотя идеи и ценности не были для него главным двигателем социального процесса, он не считал их пустым звуком. Если использовать аналогию, то в его социальной машине они играют роль приводных ремней. Мы не можем рассматривать здесь наиболее интересное послевоенное направление, развивающее эти принципы анализа и лучше всего объясняющее данное явление, а именно социологию знания⁹. Но об этом надо было сказать, поскольку Маркса в этом плане постоянно интерпретируют неверно. Даже его друг Энгельс у открытой могилы Маркса так изобразил эту его теорию, будто индивиды и группы подвержены воздействию главным образом экономических мотивов, что в некоторых важных аспектах неверно, а в остальном, к сожалению, тривиально.

⁷ Впервые опубликована в связи с его уничтожающей критикой «Философии нищеты» Прудона в работе, названной «Нищета философии» (1847). Другая версия была включена в «Коммунистический манифест» (1848).

⁸ Вышесказанное относится к веберовскому исследованию социологии религии и в особенности к его знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма», переизданной в его собрании сочинений (см.: Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272).

⁹ Немецкий термин – Wissenssoziologie. Лучшие авторы, достойные упоминания, – это Макс Шелер и Карл Маннгейм. Статья последнего в «Немецком социологическом словаре» («Handwörterbuch der Soziologie») может служить введением в тему.

Говоря об этом, нам следует защитить Маркса и от другого недоразумения: *экономическую* интерпретацию истории часто называют *материалистической* интерпретацией. Так было сказано самим Марксом. Эта фраза чрезвычайно увеличила популярность данной концепции у одних и непопулярность у других. На самом деле она абсолютно бессмысленна. Философия Маркса не более материалистична, чем философия Гегеля, а его историческая теория не более материалистична, чем любая другая попытка объяснить исторический процесс средствами, имеющимися в распоряжении эмпирических наук. Следует понять, что логически это совместимо с любой метафизической или религиозной верой – точно так же, как последняя совместима с любой физической картиной мира. Средневековая теология сама дает методы, с помощью которых можно обосновать подобную совместимость¹⁰.

То, о чем на самом деле говорит эта теория, можно свести к двум положениям: 1) формы или условия производства являются базисными детерминантами социальных структур, которые в свою очередь определяют оценки людей, их поведение, типы цивилизаций. Маркс иллюстрирует это своим знаменитым утверждением, что «ручная мельница» создает феодальное, а «паровая мельница» – капиталистическое общество. Здесь подчеркивание важности технологического элемента доводится до опасных пределов, но с этим можно согласиться при условии, что технология – это далеко не все. Немного упрощая и признавая, что при этом многое из существенного утрачивается, можно сказать, что именно наш повседневный труд формирует наше сознание; наше место в производственном процессе – это как раз то, что определяет наш взгляд на вещи – или ту сторону явления, которую мы выделяем, – и то социальное окружение, в котором находится каждый из нас. 2) Сами формы производства имеют собственную логику развития, т. е. они меняются в соответствии с внутренне присущей им необходимостью, так что то, что является им на смену, есть исключительно следствие их собственного функционирования. Проиллюстрировать можно тем же примером Маркса: система, характеризовавшаяся применением «ручной мельницы», создает такие экономические и социальные институты, которые делают неизбежным использование механических методов помолы, и эту неизбежность ни индивиды, ни группы не в состоянии изменить. Распространение и работа «паровой мельницы» в свою очередь порождают новые социальные функции и места размещения производства, новые группы и взгляды, которые развиваются и взаимодействуют таким образом, что перерастают собственные рамки. В итоге мы имеем тот двигатель, который в первую очередь обуславливает экономические, а вследствие этого и все прочие социальные изменения, двигатель, работа которого сама по себе не требует никакого внешнего воздействия.

Оба положения, несомненно, содержат значительную долю правды и являются, как мы увидим впоследствии, бесценной рабочей гипотезой. Большинство существующих возражений абсолютно несостоятельны, в частности те, которые в качестве опровержения указывают на влияние этических или религиозных факторов; или такое, с которым выступил Эдуард Бернштейн, который с восхитительной простотой утверждает, что «люди имеют голову на плечах» и, следовательно, действуют так, как им заблагорассудится. После всего, что было сказано выше, едва ли необходимо подробно останавливаться на слабостях подобных аргументов: конечно, люди «выбирают» свой образ действий, который непосредственно не навязывается им объективными условиями окружающей среды, но они выбирают, исходя из таких позиций, оценок и склонностей, которые не только не принадлежат к числу независимых переменных, но и сами формируются под влиянием объективных факторов. Тем не менее возникает вопрос, не является ли экономическая интерпретация истории всего лишь удобной аппроксимацией, которая в одних случаях работает менее удовлетворительно, чем в других. Очевидное уточ-

---

¹⁰ Я встречал немало радикалов-католиков, среди них одного священника, и все они, будучи правоверными католиками, придерживались этой точки зрения и фактически провозглашали себя марксистами во всем, кроме вопросов, относящихся к их вере.

нение следует внести с самого начала. Социальные структуры, социальные типы и взгляды, подобно монетам, не стираются быстро. Однажды возникнув, они могут существовать столетиями, а поскольку разные структуры и типы обнаруживают различные способности к выживанию, мы почти всегда обнаруживаем, что фактически существующие группы и реальное национальное поведение более или менее отклоняются от того, какими им следовало быть, если бы мы попытались вывести их из господствующих форм производственного процесса. Хотя это имеет место повсюду, особенно наглядно это, когда в высшей степени устойчивая структура полностью переносится из одной страны в другую. Общественная ситуация, возникшая в Сицилии в результате норманнского завоевания, может служить иллюстрацией того, что я имею в виду. Подобные факты Маркс не игнорировал, но вряд ли представлял все их значение.

Еще более пагубную роль играют следующие обстоятельства, схожие с только что упомянутыми. Рассмотрим возникновение феодального типа землевладения в Королевстве франков в VI–VII столетиях. Наверняка это было самым важным явлением, которое сформировало общественную структуру на многие века и *в то же время оказало влияние на условия производства, включая потребности и технологию*.

Но самое простое объяснение его возникновения можно найти в функции военного лидерства, ранее выполнявшейся отдельными семьями или индивидами, которые (сохраняя эту функцию) становились после окончательного завоевания новой территории феодальными лендлордами. Подобное объяснение совсем не укладывается в Марксову схему и легко может быть истолковано противоположным образом. Факты подобного рода, несомненно, можно включить в общую теорию с помощью вспомогательных гипотез, однако необходимость включения подобных гипотез обычно означает начало конца самой теории.

Многие другие трудности, возникающие при попытках исторической интерпретации на основе Марксовой схемы, могут быть преодолены, если признать некоторую степень взаимодействия между сферой производства и прочими сферами общественной жизни¹¹. Однако чары, окружающие фундаментальную истину, зависят как раз от точности и простоты утверждаемого ею одностороннего отношения. Если же оно ставится под вопрос, то экономическая интерпретация истории должна будет занять свое место среди прочих теорий такого же рода – в качестве одной из многих частичных истин – или уступить дорогу другой, способной возвестить более фундаментальную истину. Однако ни ее ранг в качестве научного открытия, ни ее операбельность в качестве рабочей гипотезы от этого не страдают.

Конечно, для правоверного марксиста эта концепция представляет собой универсальный ключ ко всем секретам человеческой истории. И хотя временами такой наивный способ ее применения вызывает улыбку, нам не следует забывать, какие концепции она заменила. Даже убогая сестра экономической интерпретации истории – Марксова теория общественных классов – выступает в более благоприятном свете, как только мы вспоминаем об этом.

В первую очередь следует подчеркнуть научное значение этой теории. Экономисты удивительно запоздали с признанием феномена общественных классов. Конечно, они всегда классифицировали экономических субъектов, взаимодействие которых порождало изучаемые ими процессы. Но эти классы представляли собой лишь совокупности индивидов, обнаруживающих некоторые общие черты: так, отдельные индивиды классифицировались как землевладельцы или рабочие, поскольку они владели землей или продавали услуги своего труда. Однако общественные классы не являются порождением классифицирующего наблюдателя, это живые организмы, существующие сами по себе. Их существование вызывает последствия, которые полностью игнорируются схемой, рассматривающей общество как аморфную совокупность индивидов или семей. С точки зрения чистой экономической теории вопрос о значении феномена общественных классов остается открытым. То, что он имеет очень важное значение с

---

¹¹ На склоне жизни Энгельс это признал открыто, Плеханов же пошел еще дальше в этом направлении.

точки зрения практической жизни, а также для всех более широких аспектов социального процесса в целом, не вызывает никаких сомнений.

Не вдаваясь в детали, можно сказать, что общественные классы совершили свой торжественный выход на сцену благодаря известному тезису, содержащемуся в «Коммунистическом манифесте», согласно которому история общества есть история классово-борьбы. Конечно, это сильное преувеличение. Но даже если ослабить этот тезис до предположения о том, что исторические события нередко можно объяснить на основе классовых интересов и классовых позиций и что существующие классовые структуры всегда важны как фактор исторической интерпретации, – этого достаточно, чтобы иметь основание говорить о концепции столь же ценной, как и сама экономическая интерпретация истории.

Очевидно, успех этого направления анализа, исходным пунктом которого является принцип классово-борьбы, зависит от верности выбранной нами теории классов. Наша картина истории, вся наша интерпретация культурных форм и механизма общественных изменений будет изменяться в зависимости от того, изберем ли мы, к примеру, расовую теорию классов и подобно Гобино (Gobineau) сведем человеческую историю к истории борьбы рас или, скажем, основанную на разделении труда теорию классов в духе Шмоллера или Дюркгейма и сведем классовые антагонизмы к антагонистическим интересам профессиональных групп. Разница точек зрения может объясняться не только различными определениями классов.

Какую бы точку зрения мы ни приняли в этом вопросе, мы все равно будем иметь различные интерпретации в зависимости от определения классового интереса¹² и представления о том, в чем выражаются сами классовые действия. Эта тема по сей день полна предрассудков и вряд ли находится на стадии научного исследования.

Довольно любопытно, что Маркс, насколько нам известно, никогда последовательно не разрабатывал того, что совершенно очевидно являлось одним из центральных пунктов его теории. Возможно, потому, что он откладывал эту работу так долго, что уже было поздно этим заниматься, а скорее потому, что его мышление настолько естественно оперировало концепцией классов, что он вовсе не чувствовал необходимости ее точного определения.

Вполне возможно, что отдельные ее моменты в его собственном сознании оставались непроясненными, а путь ко всеобъемлющей теории классов преграждали созданные им самим трудности, а именно упор на чисто экономическую и свехупроценную трактовку этого феномена.

И сам Маркс, и его последователи применяли эту недостаточно разработанную теорию к отдельным случаям; из них самым выдающимся примером является его работа «Классовая борьба во Франции»¹³. Кроме того, никакого реального прогресса достигнуто не было. Теория его главного соратника Энгельса была по сути своей немарксистской разновидностью теории, выводящей классы из разделения труда. За исключением этого мы имеем лишь отдельные и мимолетные проблески, некоторые из них потрясающей силы и яркости, которые разбросаны по всем произведениям мастера, особенно в «Капитале» и «Коммунистическом манифесте».

Задача сведения воедино этих фрагментов весьма сложна, и мы не можем ее здесь осуществить. Однако главная идея достаточно ясна. Разделение общества на классы основывается

---

¹² Читателю надо понять, что любая концепция классов и их происхождения вовсе не однозначно определяет, каковы *интересы* этих классов и как каждый из них будет действовать, преследуя то, что в представлении и ощущении его вождей и рядовых членов в долгосрочной или краткосрочной перспективе верно или ошибочно считается его интересами. Проблема группового интереса полна собственных преград и ловушек совершенно независимо от природы тех групп, которые мы исследуем.

¹³ Другим примером является социалистическая теория империализма, на которой мы остановимся ниже. Интересная попытка О. Бауэра антагонизм между различными расами, населявшими Австро-Венгерскую империю, интерпретировать на основе классово-борьбы между капиталистами и рабочими (*Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 52–120*) также заслуживает упоминания, хотя искусство аналитика лишь подтверждает неадекватность этого инструмента анализа.

на собственности или отстранении от собственности на средства производства, такие как фабричные здания, оборудование, сырье и потребительские товары, которые входят в потребление рабочих. Мы имеем поэтому в принципе только два класса – собственников, капиталистов, и неимущих, вынужденных продавать свой труд, т. е. рабочий класс, или пролетариат. Существование промежуточных групп – таких как фермеры или ремесленники, которые нанимают труд и в то же время занимаются физической работой, служащие, лица свободных профессий, – конечно, не отрицается, но они рассматриваются как отклонения, которые постепенно исчезнут в ходе капиталистического развития. Эти два основных класса в соответствии с логикой их положения и совершенно независимо от желаний их отдельных представителей являются глубокими антагонистами. Раскол внутри класса и столкновение между отдельными подгруппами случаются и даже способны иметь исторически важное значение. Но в конечном счете подобные расколы и коллизии преходящи. Единственный антагонизм, который не носит преходящего характера и встроен в основу капиталистического общества, коренится в частном контроле над средствами производства, а потому отношение между капиталистическим классом и пролетариатом по природе своей – это борьба, война классов.

Далее, как мы увидим, Маркс пытается показать, что в этой классовой борьбе капиталисты уничтожают друг друга, а заодно уничтожают и капиталистическую систему. Он старается также показать, как собственность на капитал ведет ко все большему его накоплению. Но эта линия доказательства, так же как и само определение, делающее собственность конституирующей характеристикой общественного класса, только усиливает важность проблемы первоначального накопления, т. е. проблемы того, как капиталисты становятся капиталистами в самом начале и приобретают тот запас товаров, который согласно Марксовой доктрине необходим для того, чтобы дать им возможность начать эксплуатацию. На этот вопрос Маркс отвечает гораздо менее ясно¹⁴. Он презрительно отвергает буржуазную сказочку (*Kinderfabel*) о том, что некоторые люди стали и становятся капиталистами благодаря большим умственным способностям и энергии, проявляемым в работе и сбережении. Он намеренно глумился над этой историей о хороших мальчиках, потому что нет лучшего способа дискредитировать неудобную правду – и это знают все политики – как поднять ее на смех.

Те же, кто изучает историю и современность без предубеждений, не могут не обратить внимания на то, что эта сказочка, хотя и не говорит всей правды, все же многое раскрывает. В девяти случаях из десяти экономический успех, особенно при *основании* промышленного предприятия, действительно обязан незаурядным умственным способностям и энергии. Как раз в начальной стадии капитализма в целом и каждой индивидуальной карьеры в отдельности сбережения были и остаются важным элементом процесса, хотя и не в том смысле, как считала классическая экономическая теория. Действительно, стать капиталистом (промышленником – нанимателем рабочей силы) путем сбережений из заработной платы или жалованья, чтобы основать собственную фабрику с помощью накопленного таким образом фонда, чрезвычайно трудно. Источником большей части накоплений являются прибыли, следовательно, накопление предполагает прибыль, и это *разумная* причина для того, чтобы отличать сбережение от накопления. Необходимые для основания предприятия средства можно обеспечить, взяв займы сбережения других лиц, наличие которых в виде мелких сумм легко объяснить, либо с помощью депозитов, которые создаются банками для будущего предпринимателя. Как бы то ни было, последний сберегает почти всегда: сбережения нужны ему для того, чтобы податься над необходимостью ежедневной рутинной работы ради куска хлеба, обеспечить жизненное пространство, чтобы оглядеться вокруг, осуществить свои планы, войти в кооперацию с другими. Следовательно, с точки зрения экономической теории у Маркса было реальное основание – хотя он и преувеличил его значение для того, чтобы отрицать ту роль сбережений,

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 725–773.

которую им приписывали классики. Однако его собственный вывод отсюда никак не вытекает, так что смех здесь вряд ли уместен¹⁵.

Насмешки, однако, сделали свое дело и помогли расчистить путь для альтернативной теории первоначального накопления Маркса. Эта альтернативная теория сформулирована не столь определенно, как нам бы хотелось. Насилие, ограбление, подчинение народных масс, усугубляющие их отделение от собственности, и как результат – еще большее ограбление, усиливающее подчинение, – конечно, все это звучало хорошо и замечательно совпадало с идеями, распространенными среди интеллектуалов всех мастей, причем в наши дни еще сильнее, чем во времена Маркса. Но, очевидно, это не решает проблему, состоящую в том, чтобы объяснить, как некоторые люди приобретают такую власть, чтобы подчинять и грабить других. Популярную литературу это не тревожит, и я не собираюсь адресовать этот вопрос произведениям Джона Рида. Но мы имеем дело с Марксом.

По крайней мере, некоторое подобие решения можно получить благодаря историзму всех основных теорий Маркса. По его мнению, тот исторический *факт*, что капитализм вырастает из феодального общества, имеет существенное значение для логики его развития. Конечно, и в этом случае встает тот же самый вопрос о причинах и механизме социальной стратификации. Но Маркс, по существу, принимает буржуазную точку зрения, согласно которой феодализм был царством насилия¹⁶, в котором подчинение и эксплуатация народных масс были уже свершившимся фактом. Классовая теория, приспособленная главным образом к условиям капиталистического общества, была распространена на его феодального предшественника, так же как и многое из концептуального аппарата экономической теории капитализма¹⁷; при этом некоторые из самых щекотливых проблем были просто перенесены на феодальную территорию, с тем чтобы появиться вновь уже в готовой форме, в виде исходных данных, при анализе капиталистической системы.

Феодальный эксплуататор был просто заменен эксплуататором капиталистическим. В тех случаях, когда феодальные землевладельцы действительно превращались в промышленников, это могло служить решением проблемы. История дает немало подтверждений верности подобной точки зрения: многие помещики, особенно в Германии, действительно строили фабрики и управляли ими, нередко используя в качестве финансовых источников свою феодальную ренту, а в качестве рабочей силы – сельскохозяйственное население (не обязательно крепостных, но иногда и их)¹⁸. Во всех других случаях марксистская теория первоначального накопления не согласуется с имеющимися фактами. Единственно честный способ выйти из этого положения – заявить, что с марксистской точки зрения удовлетворительного объяснения этого процесса нет; иными словами, сказать, что мы не можем объяснить первоначальное накопле-

---

¹⁵ Я не собираюсь останавливаться на этом, но хотел бы упомянуть, что даже классическая теория не так уж неверна, как об этом писал Маркс. «Сбережение» в самом буквальном смысле этого слова было, особенно на ранних стадиях капитализма, отнюдь не второстепенным методом «первоначального накопления». Кроме того, существовал и другой метод, родственный этому, но не идентичный ему. Многие фабрики в XVII–XVIII столетиях представляли собой всего лишь навес, под которым человек, работавший вручную, мог укрыться, и требовали простейшего оборудования. В этих случаях физический труд будущего капиталиста и совсем небольшой фонд сбережений – необходимое для создания предприятия, если не считать, разумеется, головы на плечах.

¹⁶ У многих писателей-социалистов, помимо Маркса, обнаруживается та же не критическая вера в познавательную ценность таких категорий, как сила и контроль над физическими средствами применения силы. Фердинанд Лассаль, например, в качестве объяснения государственной власти не мог предложить ничего иного кроме пушек и штыков. У меня всегда вызывало удивление, что столь многие люди были слепы к слабостям подобной социологии и не понимали, что гораздо вернее сказать, что именно власть дает контроль над пушками (и людьми, жаждущими использовать их), чем утверждать, что контроль над пушками порождает власть.

¹⁷ В этом учение Маркса сближается с учением К. Родбертуса.

¹⁸ В. Зомбарт в первом издании своей «Теории современного капитализма» пытался возвести такие случаи в принцип. Однако его попытка обосновать теорию первоначального накопления исключительно накоплением земельной ренты оказалась безуспешной, что в конце концов признал и сам Зомбарт.

ние, не обратившись к немарксистским концепциям, порождающим в свою очередь немарксистские выводы¹⁹.

Это, однако, опровергает марксистскую теорию как в историческом, так и в логическом аспекте. Поскольку большая часть методов первоначального накопления определяет и последующее накопление (первоначальное накопление как таковое продолжается в течение всей эры капитализма), то мы не можем утверждать, что Марксова теория общественных классов в полном порядке, если не считать тех трудностей, с которыми она сталкивается, когда речь идет об отдаленном прошлом. Но, видимо, нет смысла говорить об отдельных недостатках теории, которая даже в самых благоприятных случаях не доходит сколь-нибудь близко до сути тех явлений, которые стремится объяснить, и которую никогда не следовало принимать всерьез. Эти благоприятные случаи можно найти главным образом в тот период развития капитализма, который определялся преобладанием предприятий среднего размера, принадлежавших отдельным собственникам и управлявшихся ими. За пределами этого общественного слоя классовые позиции, хотя, как правило, они и отражались в более или менее соответствующем экономическом положении, скорее были причиной, чем следствием последнего: экономический успех, очевидно, не всегда является единственным путем к социальному возвышению, но только там, где это становится возможным, собственность на средства производства однозначно определяет позицию данной группы в общественной структуре. Но даже тогда считать собственность определяющим элементом столь же правомерно, как называть солдатом человека, которому удалось заполучить ружье. Жесткое деление, при котором одни (вместе со своими наследниками) якобы навсегда остаются капиталистами, а другие (тоже вместе с их наследниками) навсегда остаются пролетариями, не только, как уже неоднократно указывалось, нереалистично: при этом упускается из виду решающий момент, касающийся формирования общественного класса, – непрерывное перемещение отдельных семей в верхние слои и одновременное непрерывное выпадение из них других семей. Факты, о которых я говорю, очевидны и неоспоримы. И если они не упоминаются в марксистской схеме, то причина всего лишь в том, что они противоречат марксистской теории общественных классов.

Нелишне, однако, рассмотреть, какую роль играет эта теория в рамках общей теоретической системы Маркса, задав себе вопрос об аналитических целях, которым она должна была служить, в отличие от использования ее в качестве части агитационного снаряжения.

С одной стороны, мы должны иметь в виду, что для Маркса теория общественных классов и экономическая интерпретация истории не были тем, чем они являются для нас, а именно двумя независимыми друг от друга доктринами. У Маркса первая связана со второй совершенно особым образом и поэтому ограничивает – делает более определенным – *modus operandi* условий или форм производства. Эти последние определяют социальную структуру, а через социальную структуру – все формы цивилизации и все развитие культурной и политической истории. Сама же социальная структура для всех несоциалистических эпох определялась им в терминах классов – тех двух классов, которые являются подлинными участниками драмы и в то же время *прямыми* порождениями логики развития капиталистической системы производства, которая через них воздействует и на все остальное. Это объясняет, почему Маркс вынужден был определить свои классы как чисто экономический феномен, причем экономический в очень узком смысле слова. Тем самым он отрезал себе путь к более глубокому их анализу, но то место, на которое он поместил классы в своей аналитической схеме, не позволило ему

¹⁹ Этот вывод будет справедливым, даже если отвести максимально возможное значение грабежу (разумеется, не принимая на веру откровенный вымысел). Ограбления нередко вносили свой вклад в создание торгового капитала. Богатство финикийцев и англичан – знакомые примеры. Но даже и тогда Марксова теория недостаточна, ибо в конечном счете успешное ограбление должно основываться на личном превосходстве грабителя. И как только мы это признали, сразу появляется совершенно иная теория социальной стратификации.

сделать иного выбора. С другой стороны, Маркс хотел определить капитализм на основе тех же характерных черт, что и деление общества на классы.

Небольшое размышление должно убедить читателя, что подобная связь не является ни неизбежной, ни естественной. На деле это было смелым ходом в аналитической стратегии, который связал судьбу феномена классов с судьбой капитализма таким образом, что социализм, который в действительности не имеет ничего общего ни с наличием, ни с отсутствием общественных классов, становится по определению единственным видом бесклассового общества, за исключением первобытного племени. Эту бесхитростную тавтологию нельзя было бы столь же удачно сформулировать, если выбрать какие-либо иные определения классов и капитализма, а не те, что избрал Маркс, а именно определения, основывающиеся на частной собственности на средства производства. Из Марксовых определений следовало, что в обществе должны существовать только два класса – имущие и неимущие, а все прочие принципы классового деления, причем гораздо более важные, игнорировались, недооценивались либо сводились к данному.

Преувеличение Марксом определенности и значимости разделительной линии между характеризуемым таким образом классом капиталистов и пролетариатом уступает по масштабам лишь его абсолютизации антагонизма между ними. Для любого ума, не извращенного привычкой перебирать марксистские четки, совершенно очевидно, что отношения классов в обычное время характеризуются прежде всего сотрудничеством и что любая теория противоположного характера должна базироваться преимущественно на патологических случаях.

В общественной жизни антагонизм и сотрудничество встречаются всюду и фактически неразделимы, за исключением редчайших случаев. Но я почти убежден, что в старой теории гармонии интересов было гораздо меньше полных нелепостей (хотя и в ней их хватало), чем в Марксовой конструкции, предполагающей непреодолимую пропасть между собственниками орудий труда и теми, кто их применяет. Однако мы подчеркиваем еще раз: у него не было выбора не потому, что он стремился к революционным выводам, – последние могли быть получены с таким же успехом на основе дюжины других возможных схем, – а потому, что так требовал его собственный анализ. Если классовая борьба была решающим фактором исторического развития, а также способом приближения социалистического будущего и если предполагалось существование только этих двух классов, то их отношения обязаны быть антагонистическими в принципе, в противном случае его теория социальной динамики утратила бы свою силу.

Далее. Хотя Маркс определяет капитализм социологически, т. е. на основе института частного контроля над средствами производства, механику функционирования капиталистического общества он объясняет с помощью своей экономической теории. Эта экономическая теория призвана показать, как социологические категории *класс*, *классовый интерес*, *классовое поведение*, *обмен между классами* проявляются через посредство экономических категорий – стоимости, прибыли, заработной платы, инвестиций и т. п. – и как они порождают такой экономический процесс, который в конце концов разрушает собственную институциональную структуру и в то же время создает условия для возникновения иного социального порядка. Эта особая теория общественных классов является тем аналитическим инструментом, который, соединяя экономическую интерпретацию истории с концепцией экономики, основанной на прибыли, определяет все общественные события, сводит воедино все явления. Следовательно, это не просто теория какого-то индивидуального явления, призванная объяснить именно это явление и больше ничего. Ее внутрисистемная функция в Марксовой системе в целом гораздо более важна, чем мера успеха, с которой она решает свою собственную задачу. Эту внутрисистемную функцию следует иметь в виду, если мы хотим понять, как исследователь такой силы, как Маркс, мог мириться с ее недостатками.

Всегда были и по-прежнему существуют энтузиасты, которые восхищались Марксовой теорией общественных классов как таковой. Но более понятны чувства тех, кто настолько вос-

хищается силой и величию общей концепции, что готовы простить все недостатки ее составных частей. Мы постараемся дать свою оценку. Но сначала следует посмотреть, каким образом экономический механизм, описываемый Марксом, осуществляет ту задачу, которая возложена на него общей концепцией.

III. Маркс – экономист

Как экономист-теоретик Маркс был прежде всего очень эрудированным человеком. Может показаться странным, что я считаю необходимым подчеркнуть эту особенность автора, которого я называл гением и пророком. И тем не менее это важно отметить. Гении и пророки обычно не отличаются профессиональными познаниями и оригинальны, если они действительно оригинальны, зачастую именно потому, что этих познаний у них нет. Однако в Марксовой экономической теории нет ничего, что говорило бы о каком-либо стремлении к учености как таковой или об упражнениях в технике теоретического анализа. Он был ненасытным читателем и неутомимым тружеником и оставил без внимания лишь немного из того, что имело значение. И что бы он ни читал, он усваивал прочитанное, бросаясь в схватку по поводу каждого факта или аргумента с пристрастием к отдельным частностям, совершенно необычным для человека, который способен был охватывать своим взглядом целые цивилизации и вековые тенденции. Критикуя и отвергая одно, признавая и обобщая другое, он всегда доходил до сути любого вопроса. Выдающимся доказательством этого является его работа «Теории прибавочной стоимости», являющаяся памятником теоретическому энтузиазму. Это непрерывное стремление к самообразованию, к овладению всем, чем только можно было овладеть, в какой-то мере способствовало освобождению его от предрассудков и вненаучных целей, хотя он, конечно, работал для того, чтобы подтвердить определенное видение реальности.

Для его могучего интеллекта интерес к проблеме как таковой имел первостепенное значение вопреки его собственному намерению, и как бы сильно не искажал он смысл своих конечных выводов, в процессе самой работы он занимался прежде всего оттачиванием инструментов анализа, предлагаемых современной ему наукой, решением логических трудностей и строительством на основе созданного таким образом фундамента теории, которая по своей природе и намерениям была подлинно научной, несмотря на все ее недостатки.

Легко понять, почему и друзья, и враги исказили смысл его достижений в чисто экономической области. Друзья считали его больше чем просто профессиональным теоретиком, с их точки зрения было бы просто оскорблением придавать слишком большое значение этому аспекту его деятельности. Для противников же, возражавших против его позиций и теоретической аргументации, оказывалось почти невозможным признать, что в некоторых частях своей работы он, по сути, делал то же самое, что ценилось ими так высоко, когда исходило из других рук. Кроме того, холодный металл экономической теории на страницах Марксовых работ погружен в такой котел кипящих фраз, что приобрел температуру, ему несвойственную. Всякий лишь пожмет плечами по поводу предложения считать Маркса аналитиком в научном смысле, имея в виду, конечно, эти фразы, а не мысли, этот полный страсти язык, эти пылающие обвинения в «эксплуатации» и «обнищании» (*immiserization*) (вероятно, последнее – лучший перевод слова *Verelendung*, которое на немецком звучит не намного лучше, чем на английском такой монстр, как *immiserization*; на итальянский это переводится как *immiserimento*). Эти инвективы, как и многое другое, грубые выпады или вульгарные замечания вроде ссылки на леди Оркни²⁰ – все это существенные компоненты спектакля как для самого Маркса, так и для тех, кто верил или не верил ему. Это частично объясняет, почему многие упорно желают видеть в Марксовых теоремах нечто большее, чем в аналогичных концепциях его учителя, и даже нечто совершенно противоположное им. Однако все это не влияет на природу его анализа.

Значит, у Маркса есть учитель? Да. Настоящее понимание его экономической теории начинается с признания того, что как теоретик он был учеником Рикардо. Он был его учеником

---

²⁰ Подруга Вильгельма III (1650–1702), короля, который, будучи столь непопулярным в свое время, стал в тот период идолом английской буржуазии.

не только в том смысле, что его аргументы явно берут свое начало от рикардианских предпосылок, но и в гораздо более существенном смысле: у Рикардо он научился искусству теоретизирования. Он всегда пользовался рикардианским инструментарием, а каждая теоретическая проблема выступала у него либо в форме трудностей, с которыми он столкнулся при глубоком изучении работ Рикардо, либо в виде тех требующих дальнейшей разработки положений, которые он оттуда тщательно отбирал. Много из этого признавал сам Маркс, хотя, конечно, он не согласился бы с тем, что его отношение к Рикардо было типичным отношением ученика, который ходит к своему профессору, слушает, как тот повторяет одни и те же сентенции об избыточности населения, о населении, которое избыточно, и вновь о машинах, которые делают население избыточным, а затем идет домой и старается усвоить все это. То, что обе стороны в споре о Марксе не склонны были признавать это, вполне объяснимо.

Рикардо не единственный, кто повлиял на экономическую теорию Маркса, но в настоящем очерке упоминания заслуживает лишь Кенэ, у которого Маркс взял свою фундаментальную концепцию экономического процесса в целом. Группа английских экономистов, пытавшихся в 1800–1840 годы развить теорию стоимости, возможно, повлияла на некоторые положения и частности, но это влияние охватывается в данном случае ссылкой на рикардианское направление в экономической мысли. Враждебность Маркса к некоторым авторам, работы которых во многих отношениях параллельны его собственной (Сисмонди, Родбертус, Джон Стюарт Милль), обратно пропорциональную расстоянию между их теориями и его собственной, принимать в расчет не следует, как и все, что прямо не относилось к главной линии его аргументации, как, например, крайне слабую область денежной теории, в которой ему не удалось подняться даже до рикардианского уровня.

Теперь обратимся к чрезвычайно краткому изложению Марксовой экономической теории, которое неизбежно будет во многих отношениях несправедливым по отношению к структуре «Капитала», пусть где-то незаконченного, а где-то потрепанного успешными атаками противников, все еще сохраняющего свои могучие очертания.

1. Маркс начинает с обычной для теоретиков своего времени, как и более ранних периодов, попытки сделать теорию стоимости²¹ краеугольным камнем всей теоретической структуры. Его теория стоимости рикардианская. Я знаю, что такой выдающийся авторитет, как профессор Тауссиг, не согласен с этим и всегда подчеркивал различия этих теорий. Да, есть масса различий в словах, в методах дедукции и социологических выводах, но никаких различий в самой теореме, которая одна только и имеет значение для современного теоретика, не существует²².

И Рикардо, и Маркс утверждают, что стоимость каждого товара (в условиях совершенного равновесия и совершенной конкуренции) пропорциональна количеству труда, содержа-

²¹ При переводе этой главы, посвященной Марксовой экономической теории, мы сочли необходимым употреблять термин «стоимость» в соответствии с традицией русских переводов работ Маркса, а не «ценность», несмотря на то, что последний лучше передает смысл английского слова *value* и немецкого *Wert*. – *Прим. ред.*

²² Остается, однако, открытым вопрос, только ли это имело значение для самого Маркса. Он был во власти того же заблуждения, что и Аристотель, а именно, что стоимость, хотя и является фактором, определяющим относительные цены, в то же время есть нечто, отличное от них, она существует независимо от относительных цен или меновых отношений. Положение, согласно которому стоимость товара *есть* количество труда, воплощенного в нем, вряд ли означает что-либо другое. Но если это так, то между Рикардо и Марксом различия есть, поскольку стоимость у Рикардо – это просто меновые стоимости или относительные цены. Об этом стоит упомянуть, поскольку, если мы примем эту концепцию стоимости, многое в теории Маркса, кажущееся нам неприемлемым или даже бессмысленным, перестает быть таковым. Но, конечно, мы не можем сделать это. Ситуация не улучшится и в том случае, если, следуя некоторым марксологам, мы согласимся с точкой зрения, согласно которой независимо от того, существует отличная от меновой стоимости «субстанция» или нет, Марксовы стоимости, определяемые количеством труда, предназначены лишь для того, чтобы служить инструментом для разделения совокупного общественного дохода на трудовой доход и доход на капитал (при том что теория индивидуальных относительных цен имеет второстепенное значение). Потому что, как мы увидим, теория стоимости Маркса не справляется и с этой задачей (при условии, что мы можем отделить эту задачу от проблемы индивидуальных цен).

щегося в этом товаре, при условии, что этот труд соответствует существующим стандартам эффективности производства («общественно необходимому количеству труда»). Оба измеряют это количество часами труда и используют тот же метод сведения различных свойств труда к единому стандарту. Оба одинаково относятся к фундаментальным трудностям, внутренне присущим этому подходу (т. е. Маркс относится к ним так, как он усвоил это у Рикардо). Ни один из них не сказал ничего толкового относительно монополии или того, что мы называем сегодня несовершенной конкуренцией. Оба отвечают на критику одинаковыми аргументами. Только Марксовы аргументы менее вежливы, более многословны и более «философичны» в самом худшем смысле этого слова.

Все знают, что эта теория стоимости неудовлетворительна. Однако в бесчисленных дискуссиях на эту тему правда вовсе не всегда принадлежит одной стороне, и оппоненты трудовой теории высказали немало ошибочных аргументов. Коренной вопрос состоит вовсе не в том, является ли труд истинным источником или причиной экономической стоимости. Этот вопрос может быть предметом первостепенной важности для социального философа, который стремится вывести из него этическое притязание на продукт, и сам Маркс, конечно, не был безразличным к этому аспекту проблемы. Для экономической же теории как позитивной науки, которая призвана описать или объяснить фактический процесс, гораздо важнее ответить на вопрос, как трудовая теория стоимости выполняет свою функцию инструмента анализа и каковы те реальные причины, в силу которых она выполняет ее столь плохо.

Начнем с того, что она вовсе не работает вне условий совершенной конкуренции. Во-вторых, даже в условиях совершенной конкуренции она никогда не работает *гладко*, за исключением того случая, когда труд является единственным фактором производства и притом весь труд выступает как труд одного вида²³. Если любое из этих условий не выполняется, приходится вводить дополнительные предпосылки; при этом аналитические трудности возрастают в такой степени, что вскоре становятся неуправляемыми. Следовательно, аргументация, основанная на трудовой теории стоимости, является объяснением очень специального случая, не имеющего практического значения, хотя кое-что можно сказать и в ее пользу, если интерпретировать ее в смысле аппроксимации к историческим тенденциям в движении относительных стоимостей. Теория, которая пришла ей на смену, в ее самой ранней и ныне уже устаревшей форме, известная как теория предельной полезности, может претендовать на превосходство по разным причинам. Но реальным аргументом в ее пользу является то, что она носит более общий характер. С одной стороны, она равным образом применима к условиям монополии и совершенной конкуренции, а с другой – к наличию других производственных факторов помимо труда, а также к труду разных видов и различного качества. Более того, если мы введем в эту теорию упомянутые выше ограничения, то из нее будет вытекать пропорциональность между стоимостью и количеством затраченного труда²⁴. Отсюда должно быть ясно, что со стороны марксистов

²³ Необходимость второй предпосылки является особенно губительной для трудовой теории стоимости. Она способна справиться с различиями качества труда, обусловленными обучением (приобретенной квалификацией): соответствующее количество труда, которое затрачивается на обучение, следует добавить к каждому часу квалифицированного труда; так что мы можем, не нарушая принципов, считать час труда, совершаемого квалифицированным рабочим, равным часу неквалифицированного труда, умноженному на определенный коэффициент. Однако этот метод не срабатывает в случае «естественных» различий в качестве, обусловленных различиями в умственных способностях, силе воли, физической силе или ловкости. В этом случае необходимо учесть различия в стоимости часов, отработанных рабочими, которые обладают разной работоспособностью в силу своих естественных особенностей, но это явление не может быть объяснено в соответствии с принципом трудовых затрат. Фактически Рикардо поступает следующим образом: он просто говорит, что эти качественные различия каким-то образом воплотятся в правильные соотношения благодаря игре рыночных сил, так что мы можем в конце концов сказать, что час труда работника *A* равен умноженному на определенный коэффициент часу труда работника *B*. Однако он полностью упускает из вида, что, следуя этой логике доказательства, он апеллирует к иному принципу оценки стоимости и фактически отказывается от принципа трудовых затрат, который таким образом с самого начала оказывается несостоятельным в рамках своих собственных предпосылок, прежде чем он потерпит неудачу из-за наличия иных факторов, не относящихся к труду.

²⁴ Фактически из теории предельной полезности вытекает следующее: для существования равновесия каждый фактор должен быть так распределен между различными, открытыми для него видами производства, чтобы последняя единица этого

совершенно абсурдно ставить под сомнение противостоящую им теорию предельной полезности, что они пытались делать вначале. Столь же некорректно называть трудовую теорию стоимости неправильной. В любом случае она умерла и похоронена.

2. Хотя ни Рикардо, ни Маркс, по всей видимости, до конца не осознавали всех слабостей положения, в которое они ставили себя этими исходными посылками, некоторые трудности они понимали достаточно четко. В частности, оба они пытались справиться с проблемой устранения такого элемента, как услуги естественных агентов производства, которые, конечно же, не находят своего места в процессе производства и распределения, описываемого теорией стоимости, базирующейся только на количестве затраченного труда. Знакомая нам рикардианская теория земельной ренты, по существу, является попыткой подобного устранения, то же самое пытается осуществить и теория Маркса. Как только мы обретаем аналитический аппарат, позволяющий рассматривать ренту так же естественно, как и оплату труда, все затруднения исчезают. После этого ничего уже более не нужно говорить о внутренних достоинствах или недостатках Марксовой доктрины абсолютной ренты в отличие от дифференциальной или о ее соотношении с подобной доктриной Родбертуса.

фактора, где бы она ни использовалась для производственных целей, производила ту же величину стоимости, что и последняя единица, используемая в каждом из любых других видов производства. Если не существует других производственных факторов, кроме труда одного вида и качества, то из этого с очевидностью следует, что относительные стоимости или цены всех товаров должны быть пропорциональны количеству человеко-часов, содержащихся в них, при условии существования совершенной конкуренции и мобильности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.